

ЕГИПЕТ

Глава из книги Майкла Морриса «Мадам Валентино. Множество жизней Наташи Рамбовой»

В конце 1946 г. фонд Боллингена выделил Рамбовой средства на поездку в Египет для изучения символов, изображенных на древних скарабеях. Это, как она считала, поможет выявить связь между религиозной системой Египта и тем, что мы называем древнеамериканскими культурами. После девятнадцатидневного плавания через Атлантику и Средиземное море Рамбова сошла на берег в Каире, захватив с собой 9 мешков с оборудованием, одеждой, лекарствами и справочной литературой. Она только что отпраздновала свое 50-летие.

«Египет одна из самых прекрасных стран на земле», — писала она «Джеку» (Джону) Баррету в первом из нескольких подробных машинописных отчетов, датированных 1947 г. Она нашла Каир сильно изменившимся со времени ее последней поездки в 1936 г. Повсюду процветала расовая нетерпимость, «большей частью порожденная в годы войны тысячами американских и английских солдат, грубым и жестоким образом демонстрировавших превосходство белых людей. Это вызывает негодование, горечь и боль, невиданные прежде». Но провинция и памятники Асуана и Луксора поразили ее «той же воздушной магией и той же печалью, которую часто испытываешь в странах, где могущество принадлежит скорее воспоминаниям прошлого, чем современной жизни». Рамбову не удивляло, что Египет был призван «стать центром, из которого во все уголки мира распространялись наиболее возвышенные науки и наиболее чистая философия». Ее дальнейшая жизнь отныне будет заполнена стремлением через знание символов прийти к пониманию мудрости, лежащей в основе религии египтян, того родника, который питал собою дух последующих культур: «Храмы и мистерии Египта были источниками, откуда вышли боги и мифы Греции, философия Пифагора, Платона, Аполлония, новое учение о Братстве, данное галилеянами; и даже в более позднем возрасте, когда все было потеряно для нее, религия египтян могла еще рассуждать языком Плутарха, Ямвлиха и неоплатоников, которые были последними интерпретаторами и передатчиками мудрости, ныне глубоко погребенной и почти забытой».

Отчеты Рамбовой, посланные Баррету, были яркими и колоритными, наполненными образами — женщины в чадрах, мужчины в тюрбанах и гул современных магазинов на фоне глубокого безмолвия разрушающихся памятников. Испытывая потребность в информации, она не пренебрегала никем. Она торговалась со жрецами, профессорами, шейхами, коллекционерами, музейными хранителями и даже фальшивомонетчиками. Неподлинные вещи, которые она быстро научилась распознавать, имели для нее свою ценность. «Так называемые подделки под древнее искусство, как установлено, содержат многое из того, что представляет интерес и важность с точки зрения символики», — писала она Баррету. Убежденная, что мастера при создании этих подделок черпали вдохновение из некоего кладезя

символов, скрытого в бессознательном, она заявляла, что они «необычным образом представляют собой ещё один богатый источник для анализа».

Живучесть атаквистического культа, проявляющегося в современной культуре, много лет тому назад продемонстрировал Рамбовой Говард Картер, когда они вместе плыли через Нил к месту, где велись реставрационные работы в Луксоре. «Я помню, как Картер перевел для меня слова песни египетских рабочих, которые волокли к стенам луксорского храма тяжелые каменные балки, чтобы вновь установить их на первоначальном месте: они призывали своего бога Амона помочь им и дать им силы», — писала она Баррету. Прежние связи с Картером и Петри оказались полезными для Рамбовой, когда она снова вернулась в Египет. Торговцы хотели продать ей свой лучший товар по минимальной цене, а проводники горели желанием отвести ее в места, которые не видала ни одна иностранка. В частности, два египтянина, Саид Мулатам и Мажид Самеда, были совершенно очарованы Рамбовой и предлагали ей великолепные антикварные вещи из своих лавок в Луксоре. Они также снабдили ее ценной информацией о местах археологических раскопок и познакомили со многими древними религиозными обрядами, все еще совершавшимися простыми людьми.

«Магия заключена в самой почве Египта», — восклицала Рамбова, становясь раз за разом свидетелем психических явлений: от расслабляющих эффектов сглаза до обвораживающих чар скарабеев и религиозных экстазов, испытываемых теми, кто кружился в танцах дервишей и говорил на разных языках. Для Рамбовой танцевать — значило вызывать Божественный дух, неважно, проявляется ли он в древних или примитивных людях, в средневековых мистериях или в народных танцах, которые все еще танцуют у современных басков. «Эту религиозную важность танца следует принимать во внимание, — писала она Баррету, — если мы хотим дать точную оценку и толкование танцующим фигуркам, столь часто встречающимся на ранних династических печатях, которые наши археологи обычно отвергают как не представляющие интереса».

Танец, символ, ритуал, пение — Рамбова исследовала и сравнивала все эти религиозные проявления с уважением, которого их не удостоивали маститые ученые. Являясь самоучкой, Рамбова тем не менее подходила к научной деятельности со всей тщательностью кандидата на докторскую степень, поражая интеллектуалов в Боллингенском фонде своими сравнительными исследованиями. Игнорируя предупреждения о вспыхнувшей эпидемии брюшного тифа в районе дельты Нила, Наташа взяла деньги, полученные от матери, и отправилась туда за покупками, собирая артефакты, чтобы подкрепить свою теорию единства древних религий. Она писала Джеку Баррету: «Проследивая архаические формы и рисунки до их корней и истоков, я шла от скарабеев к более ранним печатям, наскальным изображениям и символам и к богатому и плодоносному полю доисторических пластинок и керамики — все они свидетельствуют о древности великой единой системы верований, которая, несомненно, объединяла владеющих знаниями в древнем мире. Те же самые символы, те же без конца повторяющиеся числа, иллюстрирующие одни и те же космические концепции и дающие ключи и магические формулы, с помощью которых мы можем подсоединиться к источнику великого утраченного знания, родина которого, возможно, первоначально находилась в далекой Азии».

Работая в библиотеке французского Института археологии в Каире, Наташа познакомилась с его директором, чьи труды поразили ее. Это был Александр Пьянков, русский академик, покинувший свою страну во время революции 1917 г.,

чтобы продолжить исследования в области египтологии в Германии и Франции. Одаренный лингвист, с открытым умом и широкими интересами, Пьянков стал французским гражданином и постоянным жителем Египта, где поиски приводили его в самые разные места — от коптских монастырей у Красного моря до погребений древних египетских правителей в Долине царей. Как и Рамбова, он проявлял интерес к необычным формам религиозного опыта и считал, что настенные надписи в погребальных святилищах фараонов не должны рассматриваться как не имеющие большого значения фантазии придворных магов и жрецов. Он познакомил Рамбову со своим французским изданием эзотерических религиозных изображений, найденных в гробнице Рамзеса VI и известных как «Книга пещер». Увиденное так поразило ее, что она прервала свою работу над скарабеями и вернулась в Нью-Йорк, где стала побуждать фонд Боллингена финансировать экспедицию для копирования всех религиозных надписей, обнаруженных в погребальной камере Рамзеса и в склепах 9-ти пирамид в Сахаре, охватывающих период с пятой по шестую династии. Она считала, что этот проект явится ключом к пониманию религиозной мысли древних египтян. Мод Оукс, присоединившаяся к Наташе в Луксоре в ноябре 1947 для проведения сравнительных исследований, выступила в поддержку ее проекта. Фонд Боллингена ассигновал 50 тыс. долларов на предложенную двухлетнюю экспедицию, которая должна была начаться в октябре 1949. Пьянков был назначен ее руководителем, а Рамбова — ответственной за сбор материала. Фонд снабдил их фотографическим оборудованием и автомобилем и оплатил дополнительные услуги фотографа Л.Фреда Хассона и художника Марка Хассельриса. Элизабет Томас, египтолог из Восточного института Чикагского университета, была также прикомандирована к экспедиции на некоторое время, чтобы помочь Пьянкову с переводами.

«Она вела себя с достоинством королевы, когда интервьюировала меня в своей квартире в Нью-Йорке», — вспоминал Марк Хассельрис о своей встрече с Рамбовой в 1949. Однако незадолго до того как экспедиция должна была выступить, в октябре того же года, Марк увидел совсем другую Наташу. Приглашенный в отель «Мена Хауз», расположенный возле пирамид, где участники экспедиции предполагали собраться для принятия окончательных решений, Марк услышал странные взволнованные голоса, доносившиеся из наташиной комнаты. Среди них он узнал Пьянкова и Элизабет Томас. Марк несколько раз постучал в дверь, пока наконец Наташа не ответила на стук — она выглянула из-за двери и прошипела: «Уходите!». Только что была получена страшная новость: 8 из 9-ти пирамид, которые предполагалось обследовать, занесены кочующими песками. Египетская Antiquities Service не сообщила им об этом, возможно, ожидая, что американская экспедиция сумеет расчистить песок. Единственной доступной оставалась пирамида Унаса, датированная XXIV в. до Р.Х. Будучи вне себя оттого что приходится отказаться от своих амбициозных планов и согласиться на более скромное предприятие, Рамбова проявила несдержанность, и это произвело большое впечатление на юного Хассельриса. Пьянков будет объяснять ее вспышки «проявлением ирландского темперамента». Когда она, наконец, успокоилась, было решено, что экспедиционная партия вернется в Луксор на зимние месяцы и основательно исследует надписи в погребении Рамзеса VI.

С октября по апрель Рамбова и Элизабет Томас проживали в отеле «Луксор». В феврале к ним присоединился Пьянков. Марк Хассельрис и Фред Хассон расположились в полумиле севернее, в Восточном институте. «Трижды в неделю мы с Наташей переплывали через Нил, с восточного на западный берег, то есть из

древних Фив (Луксор) в Долину царей, — вспоминал Фред Хассон. — Мы занимались полевой работой по утрам, до наступления жары. Она (Рамбова) исследовала настенные рисунки, делала заметки и немного писала, в то время как я со своими помощниками-туземцами фотографировал погребение». Фотограф, как и остальные члены экспедиции, убедился, что Рамбова является умелым руководителем. «Наташа требовала по высшей мерке. Она сама работала не покладая рук и ожидала того же от других».

Интеллектуальные занятия Рамбовой в ходе экспедиции не заслонили от нее прискорбное состояние египетских крестьян. Фред Хассон вспоминал, что «во многих случаях Наташа проявляла сочувствие к участи туземного населения. Это наглядно проявлялось в самых мелких вещах, которые она делала, чтобы помочь им». Духовность, присущая бедным, считала Наташа, весьма поучительна и заслуживает того, чтобы стать предметом для исследования: «Поразительно, что крестьянство во многих деревнях обладает гораздо большим чувством внутреннего достоинства, чем большинство представителей привилегированного класса в городах. И их мечтам также присуща некоторая внутренняя степень чистоты символизма и точности пророческого дара».

Желание Рамбовой защитить беззащитных распространилось и на животных. Когда экспедиция завершила работу в Луксоре и вернулась в апреле в Каир, Наташа наняла квартиру в пригороде Докки, неподалеку от особняка одной из сестер короля Фарука. Как вспоминает Марк Хассельрис, «несколько ребятишек из королевской семьи однажды подняли гвалт на улице, мучая ради забавы собак и кошек. Рамбова увидела это со своего балкона и тут же выскочила из дома словно фурия. Она положила конец жестокой игре, призвав на помощь королевскую охрану».

Ранее Рамбовой довелось стать невольным свидетелем того, как какой-то араб немилосердно хлестал кнутом своего осла. Животное тащило на спине тяжелую ношу, от которой его колени стали подгибаться. Когда Рамбова увидела это, рассказывал Марк Хассельрис, «она потеряла голову. Выхватила кнут из рук этого человека и избивала им его на улице до бесчувствия. Она была самым духом мщения! Собравшиеся вокруг люди пытались остановить ее, и это вызвало большой переполох». Художник сравнивал любовь Наташи Рамбовой к животным с любовью к ним древних египтян. «Все в древнем Египте было наполнено религиозным смыслом, и его жители почитали некоторых животных как божественные воплощения».

Находясь в Каире в апреле 1950, отряд получил разрешение сфотографировать и изучить надписи на четырех золоченых усыпальницах вокруг саркофага царя Тутанхамона — часть широко разрекламированного открытия, сделанного Говардом Картером зимой 1922-23. Проклятие, которое, по слухам, витало над сокровищами гробницы, казалось вполне реальным, что немало беспокоило Марка Хассельриса, поскольку он припомнил странную цепочку событий, происшедших после того, как Департамент древних памятников позволил им перенести на наташину квартиру образцы золоченого гипса из усыпальниц. Они занимались их изучением, с тем чтобы точно воспроизвести на цветных иллюстрациях в боллингенском издании. «Новая квартира Наташи была только что оштукатурена, и из-за отсутствия центрального отопления внутри сохранялась сырость, — вспоминал художник. — Ее собака Чичи неожиданно захворала и умерла от болезни печени. У меня тоже появились проблемы с печенью. Наташу свалила с ног тропическая лихорадка. А Пьянков, который пришел поработать у нее на квартире в то время,

когда она была в госпитале, вернувшись домой, упал без сознания на пол». Кроме собаки, все поправились.

«Она была бесстрашной, — вспоминала ее двоюродная сестра. — Исследуя одно из погребений, она обнаружила новый тоннель и спустилась по нему сразу же, не попросив, чтобы кто-нибудь сперва обследовал его».

«Наташа верила в перевоплощения и считала, что она некогда была в Риме сибиллой, предрекавшей погибель», — утверждал Марк Хассельрис. Ее также «обольщали» Клеопатра, Цезарь и Антоний, посылая ей монеты с собственными изображениями. «Она однажды спросила меня, — продолжал Марк, — не вижу ли я в ней сходства с Клеопатрой. Нет, ответил я ей. Я считал, что она больше похожа на Хатшепсут. Рамбова еще с голливудских пор не верила людям, сравнивавшим ее с Клеопатрой, но тем не менее эта мысль интриговала ее».

Последняя важная задача экспедиции состояла в том, чтобы снять копии надписей внутри пирамиды царя Унаса в Сахаре. Гробнице было приблизительно около 4-х с половиной тысяч лет, и она содержала наиболее древние египетские тексты. Затем эти материалы публиковались в боллингенской серии «Египетские религиозные тексты и изображения». Их перевод и подготовка к изданию принадлежали д-ру Пьянкову, а редактирование — Рамбовой.

До отъезда из Египта Наташа возобновила свои лекции по символике и сравнительной религии, которые посещали как Марк Хассельрис, так и Александр Пьянков. Хотя Пьянков первоначально подвергал сомнению многие из идей Рамбовой, позднее он признавался Марку, что кое в чем ей удалось убедить его. «Пьянков хотел иметь хорошую кодификационную систему с точными ярлыками, — утверждал Марк, — тогда как Рамбова знала, что египетские жрецы многое считали само собой разумеющимся и в своих надписях зачастую опускали подразумеваемые ярлыки. Она обычно переводила, показывая нам, как части подходят к целому, в то время как Пьянков стремился переводить тексты буквально».

Марк Хассельрис вернулся в Нью-Йорк в 1951 году почти одновременно с Рамбовой и в течение следующих 14-ти лет продолжал сотрудничать с ней, делая мастерские рисунки древнеегипетских надписей и предметов искусства для ее архива и публикаций. Он достиг совершенства в прорисовке деталей и считал, что этим своим талантом обязан исключительно Наташе. Они также часто беседовали на философские темы.

Рамбова не переставала привлекать к себе людей высоких свершений и ищущие умы. Когда она возобновила свои лекции по символике, мифологии и сравнительной религии в собственной нью-йоркской квартире, ее учениками стали многие незаурядные личности. Среди них художник и ученый Май-май Цзе, модельер — обладательница академической награды Ирен Шарафф, художница Баффи Джонсон, писательница и фотограф Дороти Норман, большой знаток искусства Индии профессор Стелла Крамриш. О преданности Рамбовой ее учеников и коллег свидетельствовали различные их работы, посвященные ей. Мод Оукс посвятила Наташе свое исследование майяского ритуала «Два креста Тодос Сантос*». Дороти Норман — каталог выставки символического искусства, которую она организовала в Виллард галерее Нью-Йорка. Доктор Пьянков посвятил Рамбовой четвертый том из своей серии египетских текстов и изображений, «Литания бога Ра», а Баффи Джонсон посвятила своему другу и учителю солидный том опубликованных ею изображений богини под названием «Повелительница зверей». В этом кружке

* Todos Santos — Все Святые (исп.)

Наташа Рамбова в Египте

интеллектуалов над всеми чувствами преобладала любовь, вспоминал Марк Хассельрис, «и мы общались друг с другом на многих уровнях. Она была моим учителем, но не хотела принимать на себя роль гуру, и ей претило, когда кто-нибудь поворачивал себя к ее стопам, в прямом или переносном смысле».

Притягательность Рамбовой отчасти заключалась в той уверенности, с которой она следовала своей философии жизни. «Она абсолютно знала, куда идет, — отмечал Марк, — и передавала это чувство с такой естественной и обезоруживающей грацией, что мне и в голову не приходило, что могло быть как-то иначе. Каждый из нас обязан и имеет возможность, не раз говорила она, привести свою жизнь в порядок, и только таким образом, вероятно, мы смогли бы понять, как помочь другим». Наташе были присущи не только грациозность и физическое обаяние. В комнате, в которой она находилась, каждый погружался в атмосферу безмятежности и покоя.

К осени 1953 г. стало очевидно, что у Рамбовой появились серьезные проблемы. Письмо Джеку Баррету, посланное в сентябре одним из боллингенских редакторов, с которым работала Наташа, Уолласом Брокуэем, свидетельствует о том, что ее здоровье пошатнулось после возвращения из Египта: «Наташу необходимо приободрить. Она чувствует себя скверно и выглядела по-настоящему больной, когда я видел ее в последний раз. У нее целый букет болезней, ни одна из которых не является придуманной, и довольно часто она пребывает в скверном настроении, что несвойственно ей. Я не знаю, как можно “подбодрить” монахиню, но проблема кажется мне вполне реальной».

В письме Стелле Крамриш в следующем году Наташа жаловалась на воспаление вен и состояние желез. Вскоре доктора обнаружили у нее склеродермию, прогрессирующее и неизлечимое заболевание, при котором пищевод и внутренние органы становятся фиброзными и твердыми, затрудняя глотание и переваривание пищи. Понимая, что доктора, объявившие ее случай безнадежным, не смогут помочь ей, она отказалась ложиться в больницу и разработала собственную систему лечения, состоявшую из умственных и физических упражнений, заменяя травами прописанные ей лекарства.

В то же время работа Рамбовой с древнеегипетскими текстами для боллингенской серии практически не оставляла ей времени для собственных исследований мифологических истоков древней символики. Когда Джек Баррет стал торопить ее, чтобы она показала свою рабочую рукопись специалисту по античной культуре, чаша ее терпения переполнилась. Она напомнила ему, что почти все последние пять лет занималась печатанием, редактированием и подготовкой к публикации материалов по Рамзесу и Тутанхамону. «Если мне и удалось закончить первый том моей работы, — писала она Баррету, — то только потому, что я работала по 10-12 часов в сутки без выходных и каникул. По состоянию моего здоровья я больше не могу делать этого». Отдавая сну менее четырех часов, Наташа и по ночам неутомимо трудилась в своей квартире, используя в качестве письменного стола ломберный столик. В результате она стала сильно терять в весе и кончики ее пальцев стерлись почти до самых костей от непрерывного стучания по клавишам пишущей машинки. Не теряя мужества, она купила кожаные колпачки, надела их на пальцы и таким образом смогла продолжить работу.

В 1954 г. Рамбова опубликовала том египетских текстов и изображений, озаглавленный «Погребение Рамзеса VI». Это была первая полная публикация, посвященная крипте фараона. Текст, снабженный многочисленными фотографиями и иллюстрациями, охватывал четыре священные книги Новой империи, включая

литургическое описание цикла рождения, жизни и смерти. В следующем году вышел второй том, «Святыни Тутанхамона», который был также богато иллюстрирован. В 1955 г. Рамбова совершила последнюю поездку в Египет через Париж, где ей удалось провести в Лувре завершающее исследование для третьего тома серии — «Мифологические папирусы», опубликованного в 1957 году. Что касается этого издания, то она была не только его редактором, но и написала главу о древнеегипетской символической. Переведенные тексты относились к XXI династии и представляли собой магические формулы, разработанные египетским жречеством для использования в загробном мире.

Энн Макгвайер помогала Рамбовой в стилистическом редактировании третьего тома, и обе женщины подружились в процессе работы. Несмотря на накопленные огромные знания и способность к языкам (она владела французским, итальянским, испанским и немного русским), Рамбова была крайне слаба в орфографии. Энн правила Наташины тексты. Она вспоминала, что ее коллега обращала большое внимание на свою внешность, несмотря на нездоровье. «Ее прическа была безупречной. Она обычно немного пользовалась косметикой, но делала это с большим вкусом. Тратила большие деньги на приобретение немногих предметов одежды — костюмов и блузок, шитых на заказ, по моде того времени. Ее отличала разборчивость в гардеробе и опрятность. Для своего возраста она выглядела прекрасно». Энн добавляла, что «Рамбова целиком отдавала себя науке, но, возможно, была слишком догматичной для настоящего ученого. Она немного стеснялась своего голливудского прошлого и брака с Валентино и гораздо более охотно говорила о своей жизни в Испании».

В то время как Рамбова изнуряла себя работой, ее мать постепенно угасала от старости. Перевалив за 80, Винифред решила отказаться от земных благ и посвятить остаток дней подготовке к смерти. Она переехала в Дорсет Отель на 54-й улице и стала избавляться от своих накоплений — произведений искусства, драгоценностей, мебели. «Я потратила первую половину жизни на собирание вещей, — говорила она, — а вторую половину трачу на то, чтобы раздавать их». Свое имущество она подарила университету Юты, заложив в родном городе Солт-Лейк-Сити основу будущего Музея изящных искусств, чья коллекция предметов древней культуры считается ныне одной из лучших в этой горной части США.

Наташа последовала примеру матери. Начиная с 1952 г., она стала дарить некоторые из своих египетских находок Ютскому музею. В письме директору музея Хорсфоллу она сообщала: «Насколько я смогу, я буду и дальше покупать небольшие, но интересные предметы, чтобы пополнять ими коллекцию. К сожалению, у меня нет средств, чтобы сделать очень многое, но у меня имеются прекрасные возможности, поскольку большинство египетских торговцев антиквариатом — мои друзья». Эти подарки и денежные ссуды музею в Юте, конечно же, не могли компенсировать отсутствие исследовательского архива, который Рамбова очень хотела создать. Хорсфоллу она признавалась: «Моей постоянно ускользающей от меня мечтой всегда было когда-нибудь основать небольшой музей религиозной символической, который включал бы в себя архив, научную библиотеку и выставочный зал, где можно было бы выступать с лекциями. В результате я часто трогаю рукой некоторые предметы, которые должны будут оказаться там, если моя мечта когда-нибудь осуществится».

Один из подарков, сделанный музею ее матерью, — портрет Наташи, спускающейся по лестнице замка, кисти Ивановича, — привел Рамбову в ужас, когда она увидела его в местной ютской газете на фотографии, под которой было

напечатано ее имя. Она немедленно отправила письмо Хорсфоллу, требуя его вмешательства: «Когда я дала матери согласие на передачу моего портрета музею, то предполагалось, что ни при каких условиях мое имя не появится под ним. Это должен быть просто “Портрет леди” или что-нибудь вроде этого — и ничего более. Не будете ли вы столь любезны, чтобы как можно скорее исправить это упущение. В противном случае могут быть большие неприятности». Позднее Наташа заметила по поводу своего портрета: «Я не всегда была леди, но это лучше, чем указывать мое имя на картине!».

Рамбова продолжала одаривать музей египетскими древностями, как о том свидетельствуют дополнения к ее завещанию, составленные в 1954, 1958, 1959 и 1963 годах. В письмах директору она подробно описывала, как следует экспонировать те или иные предметы, высказывая свои пожелания относительно размеров, цвета и освещения демонстрационных витрин.

Однажды, в 1957 году, только что купив какие-то произведения египетского искусства у нью-йоркского Метрополитен Музеума, Наташа поскользнулась и неудачно упала на тротуар. «Вдобавок к радостям жизни, — писала она Хорсфоллу, — я получила двойной перелом левой ноги и некоторое время не смогу работать». В день, когда Наташе сняли гипс, ее навестил Альваро Урзаис. Он приехал в Соединенные Штаты просить ее содействия в аннулировании их брака. Поскольку развод не был узаконен в Испании, Альваро, чтобы снова жениться, необходимо было аннулировать предыдущий брак. После почти двадцатилетней разлуки и отсутствия каких-либо связей ее недобрые чувства по отношению к Альваро полностью испарились. Работа, которую она совершила, покинув Испанию, по ее мнению стоила гораздо больше, чем то, что она делала прежде, и их встреча была радостной для обоих. Наташа согласилась помочь Альваро, и вскоре их брак был аннулирован на том основании, что она не хотела иметь детей.

Болезнь все более прогрессировала, и наташина диета состояла главным образом из воды, шиповника и растертой икры. Вопреки предсказаниям врачей, что она не доживет до 1960 года, эта мужественная женщина сохраняла активность и продолжала работу над рукописью, в то время как доктор Пьянков взял на себя подготовку к публикации оставшихся томов их египетских исследований в боллингенской серии.

Она, наконец, решила отправить черновой вариант своей работы о роли мифа в древней символике Карлу Юнгу с просьбой дать свою оценку. Его изумила необычайно смелая широта ее анализа и познания в области католицизма, которые она продемонстрировала при обсуждении смежных тем. Юнг передал часть рукописи, посвященную числовой символике, одной из своих учениц, чтобы узнать ее мнение. Ученица почувствовала, что гипотеза Наташи нуждается в корректировке, и посоветовала Рамбовой приехать в Цюрих.

Не получив одобрения Юнга, издатели боллингенской серии решили отложить принятие решения о публикации ее работы. «Наташа была потрясена тем, что Юнг отверг ее рукопись, — вспоминал Марк Хассельрис. — Хотя ее и восхищало его глубокое понимание духовного аспекта, она чувствовала, что ученый все еще находится под сильным влиянием фрейдизма». Рамбова говорила о почтенном швейцарском психологе: «Поскребите Юнга посильней, и вы обнаружите Фрейда».

Знаток азиатского искусства д-р Стелла Крамриш, консультировавшая Наташу по вопросам всё более интересовавшего ее непальского и ламаистского искусства, восхищалась умом этой женщины, но хотела направить его по новому руслу. Она не соглашалась с мнением Рамбовой относительно астрологии и Атлантиды,

полагая, что в ее взглядах присутствует слишком много теории и недостаточно фактического материала. Д-р Крамриш знала, что Рамбова заимствовала свою «атлантическую теорию» у теософов и мадам Блаватской, о которых отзывалась неизменно почтительно. Она, однако, дала почитать копию наташиной рукописи профессору Рудольфу Антесу, знаменитому египтологу из Пенсильванского университета, и была весьма удивлена, услышав от него, что Рамбова со своими метафизическими интерпретациями находится на правильном пути.

Рамбова никогда не была удовлетворена своей рукописью и постоянно переписывала её, стремясь сделать более совершенной. В письме Джеку Баррету от 25 августа 1958 г. она выражала свой восторг по поводу обретенной, наконец, возможности заниматься своей работой: «Это трудная книга о религиозном происхождении Зодиака, в которой обсуждаются все проблемы, связанные с календарем, религиозные годовые празднества, а также 12-частная символика животных и частей человеческого тела. Это работа, требующая большой концентрации. Впервые за более чем 15 лет я обладаю покоем и свободой от забот, необходимыми для работы». Её письмо, однако, заканчивалось зловещей ноткой: «Здоровье мое плохое, и у меня осталось не так много времени и сил, поэтому я хотела бы использовать то, что имею, для завершения по крайней мере моего дела». Не желая, чтобы кто-нибудь нарушал ее уединенный образ жизни, она заимела незарегистрированный номер телефона. «Я отключила свой телефон, потому что у меня не было покоя, — писала она Стелле Крамриш. — Моего имени больше не будет в телефонной книге. Он звонил беспрестанно днем и ночью. Теперь у меня тишина и покой, как на небесах!».

Жизнь привела Рамбову к той точке, когда плотская любовь перестала иметь какое-либо значение для нее. Она, некогда являвшаяся объектом огромной физической страсти, писала теперь своему ученику и последователю Марку Хассельрису совсем о другой любви: «Да, я видела эту божественную улыбку, которая согревает, но также и разбивает сердце — именно эта улыбка, мой милый, делает все тернии Пути не только терпимыми, но и благословенными. Именно благодаря этому священному взгляду Любви во всей его божественной чистоте мы можем отличать божественную любовь от человеческой. Это истинный источник сострадания, который может глубоко ранить, чтобы пробудить и приблизить день Единения. Для того, кто прикоснулся к этому источнику Любви, ее человеческое подобие кажется воистину жалким!».

В конце концов Наташа оставила городскую квартиру и поселилась в своем загородном доме в Коннектикуте. Хотя сила воли и самолечение позволяли ей жить, не прибегая к услугам врачей, ее изношенное тело чувствовало приближение смерти. В сентябре 1965 г. она вернулась в Нью-Йорк и остановилась в Готам Отеле, чтобы встретиться со своими юристами и внести некоторые поправки в завещание. Составила дополнительные распоряжения и подписала их 15 сентября. А 29 сентября персонал отеля обнаружил какую-то женщину в одном из гостиничных лифтов. Это была Наташа. Карета скорой помощи отвезла ее в госпиталь Ленокс Хилл.

Известие о тяжелом состоянии Рамбовой дошло до ее родственников на Западном побережье. Двоюродная сестра Энн Уоллен прилетела из Калифорнии со своей матерью Кэтрин Петерсон, чтобы увезти Наташу с собой. 23 ноября Рамбова выписалась из госпиталя, и ее, вместе с кузинами, санитарная карета доставила в аэропорт. «Наша тройка представляла собой интересное зрелище, — вспоминала Энн. — Моя мать, которая в то время была больна и могла

передвигаться лишь в кресле-каталке, Наташа на носилках и я с сумками в руках». Когда они прилетели в Лос-Анджелес, Наташу поместили в методистский госпиталь в Аркадии, где она находилась до своего дня рождения 19 января, после чего перебралась в Лас Энсинас, госпиталь в Пасадене. Написав однажды Энн, что «эти изношенные чертовы старые костяки» надоели ей и она надеется вскоре от них освободиться, Наташа признавалась, что ощущает всю мучительность медленного угасания. Ее тело ежедневно, месяц за месяцем, подсоединяли к трубкам с питательным раствором. «Здесь я нахожусь в чистилище», — говорила она Энн.

4 июня 1966 года Энн Уоллен навестила Наташу, которая была в сознании, но не могла говорить. Книги и письма на тумбочке потеряли для неё всякий интерес. Комнату украшала лишь кафельная пластинка с изображением Анубиса, божества с головой шакала, чьей власти египтяне предавали мумии фараонов. Это был подарок Марка Хассельриса. «Когда ты придешь ко мне завтра, — прошептала Наташа, — ты найдешь меня внизу». Энн эти слова показались странными, поскольку наташина комната находилась на первом этаже. Но она не придала им большого значения...

*Перевод с английского
Александра Андреева*

